

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ТЕАТРА... Праздник «живого» театра... Каждое слово здесь требуется оценить в том пределе, каким мы располагаем сегодня, в дни, когда понятие «театр», вернее сам театр, его существование во многих странах переживает тревожное соревнование с бурно развивающимися производными от него — телевидением, радио, кино.

Живой театр! Театр, где зрительный зал объединяется в увлеченно сосредоточенном общении со «здесь, сейчас, сегодня» творящим актером, — театр в этом соревновании начинает находить в себе те свойства, которые утверждают его неизменность, его неисчерпаемость, его бессмертие. Незаменимость его несомненна, как несомненно, скажем, и то, что даже самые великолепные копии никогда не заменят подлинников высокой живописи.

Навсегда хранится во мне ощущение встречи с чудом, когда тысячу раз виденную в репродукциях Монну Лизу Джоконду я впервые встретил, живую, в Лувре. Меня будто ударило, ослепило. Передо мной возникло чудо. Маленькая, скромная, на меня смотрела Джоконда. Чудо — да, потому что эта неприятельная живопись, пронзающая сердце, сознание, воображение, душу, как бы излучает свет.

Какая тайна заключена в искусстве Леонардо да Винчи? Вероятно, такая же, как в пушкинском «Пророке» или в рублевской «Троице», или в «Пьете» Микеланджело, или в народном искусстве бессмертных умельцев. Такое искусство и есть великое. О таком искусстве и говорил Ленин. Помните, как он назвал бетховенскую музыку «человеческой». Это сказал Ленин, человек трезвого, непримиримого к преувеличениям ума и тем более к мистически-сомнительным восторгам перед непонятным. Тут же Ленин, со слов Горького, разъяснил эту «нечеловечность» как вызванные к жизни огромные духовные силы человека, творца, опре-

деляемые неповторимостью и недосягаемостью гения Бетховена. Только такое искусство, которое способно вытеснить религию, искусство как мощный источник вдохновения на труд, на преодоление, на созидание, на борьбу с тьмой, нищетой всяческой, на нетерпимость к подлости и цинизму и неверию, нужно миру.

Потрясением, жизненным открытием возникает высокое искусство в душах, созвучных ему. Что я имею в виду, когда говорю о созвучности? Увы, не всякому дано воспринимать искусство. Невежественность не оценит Бетховена и предпочтет ему пошлый «шлягер». Что ж, здесь ведь и начинается самое сложное размежевание людей по уровню их духовной, нравственной культуры...

И вот только театр, вбирающий в себя и живопись, и слово, и музыку, и творчество актера, когда он творит по законам истинной демократичности искусства, по законам Шекспира, театр, рассчитанный одновременно и на всех вместе, и на каждого в отдельности, способен объединить людей разных уровней, заражает их непосредственно той духовной силой, которая заключена в истинном творчестве. Эту духовную силу мы условно называем «магией искусства» — красотой.

Человек действует, как известно, также и по законам красоты. Эта красота красота духовная, красота мысли, красота истинного творчества, противопоставляется мнимой красоте, красоты, манерности, слащавой открыточно-эффектно-парфюмерной неестественности, неправде. Красота есть правда: это сила, утверждающая духовное начало в человеке.

Может быть, никогда еще не обо-

дательная борьба за красоту человеческих отношений в истории человечества, как сейчас, когда «театром» для иных, скудных духом, жестокосердных эгоистов, становится лишь театр военных действий. А актерство — способность человека жить в воображаемом, как в реальном, — обращается в ханжество, дипломатию с позиций силы, фальшь, шулерскую ловкость рук...

справедливи мира, придет к единению на том уровне, где это единение не имеет ничего общего с военной казарменностью, муштрой, а к единству индивидуально свободных, как бы взявшихся за руки братьев, братьев в единой, великой земной семье человечества.

Я предполагаю, что кому-то покажутся высокопарными и преуве-

И такую ярмарку, сочиненную театром, весь ее текст и, конечно же, в первую очередь текст «персонажа от театра» и отдельные краткие реплики почти всех персонажей спектакля мы перевели на румынский язык. Выучили его за лето и так сыграли в Бухаресте. Трудно передать, что творилось в зале со зрителями, которые и хохотали, и плакали. Это было праздником дружеского общения. И впервые в истории румынского театра на следующий день отчет о наших «Виндзорах» появился на первой странице в «Скынтейя», он назывался «Вместо рецензии» и заканчивался словами: «В этот вечер советские артисты и румынские зрители до земли поклонились друг другу».

Я отнюдь не рекламирую наш спектакль. А хочу лишь подчеркнуть, что только живой театр может вызвать к жизни такое.

Живой театр — такой театр переживаете и актерами, и зрителями как праздник взаимного общения, не только на краткие часы во время спектакля возбуждает воображение зрителя, но и потом составляет человека мечтать.

ЧЕМ ЖЕ, значит, для нас должен стать, быть Международный день театра? Праздником, где встреча актера и зрителя переживается в той взаимной «живой» сопричастности, когда зритель «здесь, сейчас, сегодня» присутствует при творческом процессе актера, становится как бы соучастником импровизационной стихии театра. Впрочем, думаю, что и телевидение, и кино равно должны, если говорить по совести, переживать наш праздник как собственный, потому что лучших актеров дал и дает им театр. И пусть этот день станет не только днем международной солидарности «живых» театров, но и праздником солидарности родственных ему искусств, деятелей театра, кино, телевидения — всех, кому дорога идея истинного человеческого содружества.

ЖИВОЙ ТЕАТР

Ю. ЗАВАДСКИЙ,
 народный артист СССР,
 президент театральной секции
 Союза обществ дружбы с народами
 зарубежных стран

Театр, передовой театр во всем мире и, конечно же, в первую очередь наш, советский театр, обязан понять, что, может быть, он в деле смягчения вот этой разъединенности народов и способен совершить чудо.

Театр на Западе идет на поводу у тех, что наркотиками и низменностью страстей, этой чудовищной животной мутью, убивает человеческое в человеке. Отсюда постыдное малодушие подчас больших талантов, которые способствуют отупению человека, разложению его моральному и физическому.

ДЕНЬ театра должен быть днем солнца, призыва к объединению, веры в могущество человеческого гения. Он должен стать днем призыва к перестройке человеческих отношений во всем мире по законам красоты, разума, добра и справедливости. Такое искусство должно возникнуть в театре. И тогда каждый и все вместе — те, кто на сцене, и те, кто в зале, будут взаимно заряжать себя на жизненный подвиг, на великий труд, на творчество жизни щедро, самозабвенно, прекращаясь... Веря, что человечество, пройдя долгий путь противоречий, катастроф, ошибок, срывов, все же обретет мудрость

лично-патетичными мои слова. Но ведь можно привести тысячу фактов единства сцены и зала. Взаимные гастроли театров, успех советского театра за рубежом, успех хотя бы спектаклей Питера Брука или совсем недавний французского театра Андре Барсака у нас... А вот поразительный случай из практики гастролей нашего театра. Однажды мы были в Румынии, повезли несколько спектаклей, в том числе Шекспира. Спектакль «Виндзорские насмешницы», сочиненный мной несколько лет назад как вольное сценическое переложение шекспировской комедии, был доступен и близок советскому зрителю. Он начинался прологом, вернее «персонажем от театра», который не только предварял спектакль, но и вмешивался в действие, комментировал его, вторгался в него репликами, остротами, стихами, а в антракте приглашал зрителей в фойе, где шумела, зазывала некая шекспировская ярмарка. Здесь были и гадалки, и акробаты, и игроки в кости, и паноптикум, и танцы, некие площадные шуточные песни и всякая карнавальная кутерьма и т. д.